

*“Прохожих двое шло дорогою
одною...” (fiction space in Russian
fables of the XVIII century)*

There are described the peculiarities of the fiction space in Russian fables of the XVIII century, revealed the main methods and tendencies of its representation. The fable space is characterized as consisting of two parts that combine the toposes of the plot and the narrator.

Key words: Russian fables of the XVIII century, fiction space, typification, particular definition, zero and imaginary chronotop.

(Статья поступила в редакцию 6.02.2015)

ФЕРЕШТЕ МАШХАДИРАФИ
(*Нижний Новгород*)

**ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ КАК
«ПРОПОВЕДНИК» ИДЕЙ
ЗОРОАСТРИЗМА В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА**

Отголоски учения древнеиранского пророка Заратустры заметны в стихотворении «Видите, персы, вот я иду...» Велимира Хлебникова. Поэт использовал авестийские термины и понятия с целью характеристики политической ситуации в Иране в 1900-е годы.

Ключевые слова: Заратустра, авестийские термины, спаситель, борьба Добра и Зла, революция, советская Персия.

В размышлениях Велимира Хлебникова особое место занимает предугадывание будущего и предвидение дальнейшего развития человечества или, как сам он отмечает, «искусство предвидеть будущее». Этим искусством, обычно считающимся достоянием пророков и магов, вполне способен, по его мнению, овладеть и современный поэт. Именно таким поэтом-пророком Хлебников и считал себя самого. Но при этом он полагал, что не только развивает традиции, связанные с опытом прежних религиозных пророков, но и берет на себя роль рупора актуальных современных идей, имеющих важное значение для пе-

реустройства человеческого общества на новых, более справедливых началах: «Я в последний раз в жизни поверил людям и прочел доклад в ученом обществе при университете “Красная Звезда”. Правда, я утонченно истязал их: марксистам я сообщил, что я Маркс в квадрате, а тем, кто предпочитает Магомета, я сообщил, что я продолжение проповеди Магомета, ставшего немым и заменившего слово числом. Доклад я озаглавил “Коран чисел”. Вот почему все те, чье самолюбие не идет дальше получения сапог в награду за хорошее поведение и благонамеренный образ мысли, шархнулись прочь и испуганно смотрят на меня» [10, с. 357], – так Хлебников пишет сестре о своих докладах под названием «Коран чисел» в Персии.

Хлебников, бывший свидетелем и в то же время сторонником и участником Октябрьской революции, стремящейся утвердить основные принципы коммунистического строя, проявлял вместе с тем повышенный интерес к древнеиранскому пророку и реформатору Заратустре, т.к. его учение он находил чрезвычайно близким своим прогрессивным и революционным идеям и мыслям. В учении Заратустры особое место занимает идея вечной борьбы Добра и Зла, Правды и Лжи. Добро олицетворяет бог Ахура-Мазда, Зло – Анхра-Майнью. Человек не должен быть пассивным в этой борьбе, он должен активно выступать на стороне Правды. Доброе слово, добрые помыслы, добрые дела – вот три силы, с помощью которых человек способствует торжеству Света и Добра [5, с. 122].

Увлечение Хлебникова Заратустрой было настолько сильным, что он считал древнеиранского пророка «своим духовным двойником» [12]. Главное, что сближает Заратустру (человека старого времени) и Хлебникова (человека нового времени), – это уверенность в возможности осуществления вековой мечты человечества о приходе Эры разделения Добра и Зла и об окончательной победе Добра [4, с. 194].

Такая уверенность нашла яркое отражение в иранских стихотворениях (иранский цикл) Хлебникова, в особенности в стихотворении «Видите, персы, вот я иду...» (1921), в котором поэт, появляясь в желаемой роли, т.е. роли пророка, откровенно старается демонстрировать персам свое «искусство предвидеть будущее». Установлено, что заметки Хлебникова о древнеиранской мифологии, частично ис-

пользованные в этом стихотворении, относятся ко времени его пребывания в Харькове [14, с. 533]. Когда летом 1920 г. стали поступать известия о провозглашении Гилянской республики в Северной Персии, Хлебников занес в свой дневник: «13 июля 1920. Вышел “Ладомир”. Хотел ехать в Персию». Однако «связный и законченный текст на персидскую тему мог возникнуть только в Баку, в атмосфере Съезда народов Востока» [Там же].

При первом взгляде на текст стихотворения мы находим в нем целый словарь авестийских терминов и понятий. При этом поэт старался, насколько возможно, объяснить хотя бы кратко каждый из терминов (или непосредственно в тексте, или в скобках рядом с самими терминами), что обеспечивает более адекватное восприятие стихотворения теми читателями (их, добавим, наверняка большинство), которые не очень знакомы с идеологией зороастризма:

*Видите, персы, вот я иду
По Синвату к вам.
Мост ветров подо мной.
Я Гушедар-мах,
Я Гушедар-мах, пророк
Века сего и несущий в руке
Фрашокерети (мир будущего).
Ныне, если целуются девушка и юноша, —
Это Матия и Матиян, первые вставшие
Из каменных гробов прошлого.
Я Вогу Мано — благая мысль.
Я Аша Вбгиста — лучшая
справедливость.
Я Киатра Вайрия — обетованное
царство.
Клянемся волосами Гурриэт эль Айн,
Клянемся золотыми устами
Заратустры —
Персия будет советской страной.
Так говорит пророк! [14, с. 132].*

Из первого предложения стихотворения явствует, что персы (иранцы) являются конкретными адресатами лирического героя. Лирический герой в качестве пророка, посланного к особому народу (персам), хорошо знает, что для того, чтобы его проповеди нашли отклик у слушателей, он должен говорить на языке, который персам близок и понятен. Таким средством общения, обеспечивающим установление коммуникации между пророком и людьми, становится язык понятий Авесты, многие страницы которой перекликаются с главной мечтой всей жизни Хлебникова — о будущем человека, бесклассовом обществе без порабощения человека человеком, о мире всеобщего равенства и свободы [11, с. 194]. Сле-

довательно, авестийские термины и понятия в данном стихотворении, сохраняя свой исконный смысл, служат одновременно средствами для выражения собственных мыслей русского поэта.

С нашей точки зрения, ключевыми понятиями, скрепляющими всю семантическую структуру анализируемого нами текста, можно считать две категории: Синват и Фрашокерети. Именно при их расшифровке определяется основная цель создания Хлебниковым этого стихотворения и эксплицируются заложенные в нем смысловые нюансы.

1. Синват (*авест.* Чинват, *пехл.* Чинвар или Чинвад [19, с. 256], *среднеперс.* Чандвар [8, с. 518]) — «Переход-разлучитель» [1, с. 469], в иранской мифологии — мост через водную преграду, разделяющую царства живых и мертвых [7, с. 597]. В зороастризме мост Чинват — это не простой мост, а *дух в форме лучей*. Начинается он от высочайшей вершины Хара Березайти в середине земли. Праведники проходят по нему беспрепятственно и попадают на небеса, а грешники преодолеть мост не могут и сваливаются вниз, в адскую преисподнюю бездну [8, с. 301–302].

Ибо Чинват подобен многогранному лучу: одни грани у него широкие — в девять копий их ширина, а другие узкие и острые, как лезвие отточенного кинжала. Когда души праведников и грешников приходят к Чинвату, он поворачивается к праведникам широкой гранью, а к грешникам — узкой. Чем больше человек совершил в земной жизни грехов, тем уже Чинват становится под его ногами [Там же].

Можно, как нам кажется, утверждать, что мост Синват выступает в стихотворении «Видите, персы, вот я иду...» в качестве аллегории революции, которая была для поэта, безусловно, положительным и необходимым для развития человечества явлением. Революция для Хлебникова — это ослепительное царство свободы, свободы от царизма, буржуазной государственности, национального и религиозного угнетения, от порабощения личности [11, с. 179].

Закономерно, что Октябрьскую революцию и возникший в ее результате Советский Союз Хлебников горячо приветствовал, находя в революции, ее высокой правде торжество справедливости, торжество нового начала в жизни человечества [Там же, с. 186]. Поэтому превращение Персии в советскую страну, с его точки зрения, будет возможным только через революцию, подобную той, что произошла в России. Не приходится удивляться, что в 1921 г. Хлебников из Баку вместе с Пер-

сидской Красной Армией отправляется в Иран для поддержки своих иранских собратьев в Гилянской провинции.

2. Фрашокерети (*авест.* Фрашо-кэрэти, *среднеперс.* Фрашкард [1, с. 466]; этимология неизвестна, приблизительный перевод – Передельвание [8, с. 511]) – это конец нынешнего этапа мира в то время, когда Вселенная вернется в свое первоначальное торжественное состояние и, наконец, произойдет воскресение мертвых [3, с. 217].

На наш взгляд, в художественной концепции стихотворения «Видите, персы, вот я иду...» Фрашокерети символизирует желаемый итог революции (Персия будет советской страной), после которой наступит «мир будущий» и произойдет воскресение мертвых: *Это Матия и Матиян, первые вставшие / Из каменных гробов прошлого...*

Матия и Матиян (*авест.* Мартия и Мартиянаг, *пехл.* Михрие и Михрияне [19, с. 145], в поздней традиции – Махлия и Махлияна, *среднеиранс.* Матра и Матраиана, Майша и Машьяна [7, с. 343]) – «Смертный и Смертная» [8, с. 488], первая человеческая пара в древнеиранской мифологии. Другими словами, их можно считать иранскими Адамом и Евой. Миф повествует о том, что первопродок человечества Гайомарт перед самой смертью из-за происков злого духа Ахримана «выронил семя», одна треть которого досталась богине Земли – Спандармат. В результате через сорок лет из нее выросло растение ремень, а еще через пятнадцать лет оно превратилось в Машиа и Машиана. Поначалу признавшие главенство Ахура-Мазды, они назывались лучшими из созданий земли, выступали носителями благочестия, затем в них вошел дух противоречия. Они объявили злого духа, двойника Ахура-Мазды – Ангро-Манью – творцом миропорядка, за что поныне пребывают в аду, откуда выйдут только после Страшного суда [4, с. 192].

Благодаря Фрашокерети в обществе будут господствовать три основных принципа, на которых основано пророческое послание лирического героя: Вогу Мано, Аша Вбгиста, Кшатра Вайрия. Отметим, что они являются тремя из шести Бессмертных Святых (Воху Мана, Аша Вахйшта, Хшатра Вайрья, Спента Армайти, Хаурватат, Амертат), которые в Авесте называются Амеша Спента и составляют ближайшее окружение Ахура-Мазды.

В Большом персидском словаре Деххода говорится, что во время появления маздаизма был Спента Майню (Святая Мудрость) во главе этой шестерки. Позже Ахура-Мазду поставили на его место. А иногда Суруш занимал

место Ахура-Мазды. В Гатах, которые являются самыми старыми частями Авесты, неоднократно упоминается имя Амеша Спента. Каждый из Амеша Спента является воплощением одного из атрибутов Ахура-Мазды и берет под свою охрану и покровительство определенную часть Вселенной, чтобы она действовала и развивалась под руководством Создателя Вселенной [9].

Вогу Мано (*авест.* Воху Мана – Благая Мысль, Благой Помысел; *среднеперс.* Вохуман, в поздней традиции и *фарси* Бахман) [8, с. 464] – первый рожденный от Бога, сидит по правую сторону от Ахура-Мазды и фактически играет роль его советника. Являясь покровителем прибыльных животных, он тесно связан с человеческим миром. Воху Мана зримо появляется перед Заратуштрой. Он тот, кто готовит ежедневные отчеты о мыслях, речах и делах людей, а после смерти праведников приветствует их дух и приводит их в высшую часть Рая. На почве этих представлений возникло поверье, что Бог олицетворяет Благую Мысль, а Воху Мана функционирует в бытии человека и приводит его к Богу, т.к. благодаря Благой Мысли можно познать религию [13, с. 133].

Аша Вбгиста (*авест.* Аша Вахйшта – Лучшая Истина, *среднеперс.* Ард Вахйшт и Аша Вахйшт, в поздней традиции и *фарси* – Ардибехешт и Ордибехешт, один из шести великих Амеша Спента, который вместе с Ахура-Маздой и/или Его Святым Духом составляют зороастрийскую семерку) [21] – [мужской Амеша Спента, которому посвящены третий Яшт и второй месяц Весны...] самый красивый Амеша Спента, который противостоит неверности и является представителем божественного закона и морального порядка в мире. Праведники молятся, чтобы Бог помог им увидеть этого райского царя, последовать его пути и поселиться в его счастливом раю. На Земле Аша является хранителем порядка и борется против болезней, смерти, злодеев, колдунов и всех тех, кто выступает против Божьего порядка, наносит им поражение. Даже в Аду Аша является хранителем порядка и предотвращает беспредельные пытки и мучения злодеев и плутов [13, с. 133–134].

Кшатра Вайрия (*авест.* Хшатра Вайрья – Власть Желанная, Благое Царствование; *среднеперс.* Шахревар) [8, с. 517] – мужской Амеша Спента, и в Авесте он называется Бесконечным Царством Ахура-Мазды, Неразрушимой Областью и Вышним Раем... Хшатра Вайрья многими считается самым абстрактным Амеша Спента, но одновременно – олицетво-

рением мощи, величия и силы Бога. В духовном свете Шахревар – представитель райского царства, а на Земле – царь, который осуществляет Божью волю, помогая бедным и беспомощным и побеждая зло... Бог с помощью Хшатра Вайрья определяет награду и наказание в загробной жизни [13, с. 134].

Отметим, что важную роль в стихотворении Хлебникова играет «спаситель», на которого указывает имя «Гушедар-мах». В мировоззрении и эсхатологии зороастризма «спаситель» – это тот, кто с наступлением события Фрашкарда (конца света) проводит один народ или даже всех народы мира по пути к первоначальному золотому веку [2, с. 125].

Согласно зороастрийским преданиям, возраст Вселенной определяется в двенадцать тысяч лет, которые разделяются на четыре последовательные трехтысячелетние эпохи. Пророк Заратустра родился в начале десятого тысячелетия или в начале четвертой эпохи. После Заратустры придут три спасителя, которые, согласно преданиям, будут рождаться от его спермы. На самом деле они считаются сыновьями Заратустры: Хушедар – «тот, кто растит священный закон» – в начале одиннадцатого тысячелетия, Хушедар-мах – «тот, кто растит почитание Бога» – в начале двенадцатого тысячелетия, и Сошйанс – «тот, благодаря кому все живые станут бессмертными» – в конце двенадцатого тысячелетия. Они придут продолжить путь Заратустры, отделить все наносное от его подлинного вероисповедания, очистить мир от злодейства и разврата и в конце концов спасти людей и воскресить мертвых [18, с. 117].

Хлебников, чтобы связать атмосферу своего стихотворения с событиями настоящего времени, вводит в текст упоминание одного из выдающихся деятелей новой истории Ирана. Это Тахира Гурриэт эль-Айн, настоящее имя Фатиме Заррин Тадж Барагхан (1818–1852), поэтесса и одна из первых последователей Сейеда Али-Мухаммада Баба, основатель бабизма, убитая по приказу Насередиин-шаха в 1852 г. Гурриэт эль-Айн родилась в религиозной семье и выучила фикх, хадис и арабский язык. Ее ораторские способности очаровывали всех. Она отвечала – из-за занавески – на фикхские и каламские вопросы учеников, сидящих в присутствии ее отца, и поражала всех своей мудростью. В конце концов она взбунтовалась против религии и веры, с которыми была связана от рождения, и стала самоотверженным приверженцем другого культа, противостоящего господствующей религиозной структуре того времени [20, с. 180].

Гурриэт эль-Айн является единственным женским персонажем иранских стихотворений Хлебникова. В современной истории Ирана она считается еретиком, т.к. вопреки религиозным традициям своего времени она без хиджаба появилась перед публикой и открыто выразила свою поддержку Мирзе-Баба. Некоторые исследователи считают, что бабистское движение подготовило почву для идей свободы женщин. Кроме того, присутствие Гурриэт эль-Айн в кругу выдающихся лидеров и теоретиков этого движения, некоторые тенденции к равенству между женщинами и мужчинами в убеждениях бабистов, а также активное участие некоторых из женщин в этом движении, в особенности в восстании Занджана (1850), одним из предводителей которого была женщина-воин по имени Ростам, до некоторой степени подтверждают мнение этих исследователей [6, с. 430].

Следует отметить, что стихотворение «Видите, персы, вот я иду...» – не первое произведение, в котором Хлебников упоминает Гурриэт эль-Айн. Ранее в стихотворении «Октябрь на Неве» (1918 г.) русский поэт, указывая на снятие Гурриэт эль-Айн хиджаба перед публикой, выступает в поддержку этой бабидки такими словами: «И не новая ли черноокая Гурриэт эль-Айн посвящает свои шелковистые чудные волосы тому пламени, на котором будет сожжена, проповедуя равенство и равноправие?» [16, с. 185–186].

Позже в поэме «Труба Гуль-муллы» (1921 г.) мы еще раз встречаемся с именем Гурриэт эль-Айн, но в этот раз в художественной картине, которая посвящена описанию ее гибели:

Гурриэт-эль-Айн,

Тахирэ, сама

Затянула на себе концы веревок,

Спросив палачей, повернув голову:

«Больше ничего?»

– «Вожжи и олово

В грудь жениху!».

Это ее мертвое тело – снежные горы [15, с. 304].

Среди тех произведений, в которых Хлебников обращается к образу Гурриэт эль-Айн, особо привлекают наше внимание «Доски судьбы» (1921–1922 гг.), поскольку в них образы этой бабидки и ее духовного наставника Мирзы-Баба встраиваются в совершенно необычную систему сопоставлений, позволяющих связать ислам и христианство: пророк Ирана, Мирза-Баба родился через 365.5 после Иисуса (6-й год до Р. Хр.). Разве Тахира Гурриэт эль-Айн не напоминала Магдалину? Когда она затягивала на своей шее веревку? И во-

роны, кружившиеся над Баба, когда он был расстрелян на стенах Тавриза, не напоминали ли вороньи стаи Голгофы? Мирза-Баба родился в 1820 г., т.е. через 365,5 после Иисуса [17, с. 33].

Таким образом, упоминание о Гурриэт эль-Айн в таком стихотворении, как «Видите, персы, вот я иду...», которое полностью «опирается на зороастрийское учение и систему понятий Авесты» [12], не может быть случайным. Лирический герой видит в ее образе борца за благополучие человечества и, по сути, женщину-пророка, которая единокладна с Заратустрой в одном: они оба, с точки зрения Хлебникова, несмотря на разные религии и принадлежность к разным эпохам, думают о формировании «нового мироустройства, где будут торжествовать Добро и Справедливость» [Там же].

Лирического героя данного стихотворения в каком-то смысле можно считать продолжателем идей предыдущих пророков, Гурриэт эль-Айн и Заратустры, т.к. он, чувствуя в них родственные души, проповедует их моральные и этические учения. В конце стихотворения мы видим, что лирический герой появляется в роли пророка и предвещает Персии судьбу, подобную судьбе Советского Союза (Персия будет советской страной). Но для того, чтобы убедить персов в верности своего предсказания, лирический герой клянется чудесами двух предыдущих пророков, *волосами Гурриэт эль-Айна и золотыми устами Заратустры*.

Следовательно, Хлебников, вкладывая основные термины и понятия Авесты в свое произведение, не только намеревался создать произведение на основе древнеиранской мифологии. Он, по сути, сознательно думает о составлении плана для осуществления перемен к лучшему в дальнейшей судьбе иранского народа и всего человечества. Не подлежит сомнению, что в осуществлении такого плана главную роль Хлебников отводил революции. Но эта революция, имея все черты коммунистической революции, провозглашает вместе с тем постулаты верования пророка Заратустры, с которыми хорошо знаком иранский народ.

Список литературы

1. Авеста в русских переводах (1861–1996) / сост., общ. ред., примеч., справ. разд. И.В. Рака. СПб.: Журнал «Нева» – РХГИ, 1997.
2. Агаи Сейед Моджаба. Обзор понятия «спаситель» в зороастризме // Семь небес: ежегодник. 2000. № 7. С. 111–128.
3. Акрами Гуламреза. Энциклопедия религии // Семь небес. 2005. № 27. С. 207–221.
4. Исаева Л.Х. «Так говорит пророк!»: художественная картина мира в цикле стихов В. Хлебникова об Иране // Художественная картина мира в фольклоре и творчестве русских писателей: кол. моногр. под ред. Г.Г. Исаева. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2011. С. 187–229.
5. Кадырбаев А.Ш. Арий Заратуштра – первый пророк мировых религий // Иран-намэ: науч. востоковед. журн. 2013. № 2. С. 120–125.
6. Мир Сирус. Насим Шомал и женщины в Конституционном движении // Иран-намэ: ежегодник. 1993. № 43. С. 427–450.
7. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энцикл., 1990.
8. Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). СПб.–М.: Журнал «Нева» – «Летний Сад», 1998.
9. Словарь Деххода. URL: <http://www.loghatnaameh.org/dehkhodaworddetail-88527f65616a441dbf14af243d08881c-fa.html> (дата обращения: 12.11.2014).
10. Старкина София. Велимир Хлебников: роль времени, биография. — СПб.: Вита Нова, 2005.
11. Степанов Н. Велимир Хлебников: жизнь и творчество. М.: Сов. писатель, 1975.
12. Тартаковский П.И. Поэзия Хлебникова и Восток. 1917–1922 годы. Гл. II. Иранский цикл. URL: http://ka2.ru/nauka/tar_1917_4.html (дата обращения: 12.11.2014).
13. Хиннелс Джон Р. Иранская мифология / пер. и сост. Баджлан Фаррохи. Тегеран: Асатир, 2004.
14. Хлебников Велимир. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Поэмы 1917–1922 / под общ. ред. Р.В. Дуганова. М.: ИМЛИ РАН: НАСЛЕДИЕ, 2001.
15. Хлебников Велимир. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3: Поэмы 1905–1922 / под общ. ред. Р.В. Дуганова. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
16. Хлебников Велимир. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5: Стихотворения в прозе, рассказы, повести, очерки, сверхповести. 1904–1922 / под общ. ред. Р.В. Дуганова. М.: ИМЛИРАН, 2004.
17. Хлебников Велимир. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Кн. вторая. Доски Судьбы (избранные страницы). Мысли и заметки, письма и другие автобиографические материалы. 1897–1922 / под общ. ред. Р.В. Дуганова. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
18. Хусейни (Асеф) Сейед Хасан. Спаситель в зороастризме // Семь небес. 1999. № 3, 4. С. 107–122.
19. Чунакова О.М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2004.
20. Явари Хура. Критика и обзор книги Фарзана Милани «Хиджаб и Калам» // Иранистика. 1994. № 1. С. 176–186.
21. Энциклопедия Ираника. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/ardwahist-av> (дата обращения: 12.11.2014).

* * *

1. Avesta v russkikh perevodah (1861–1996) / sost., obshh. red., primech., sprav. razd. I.V. Raka. SPb.: Zhurnal «Neva» – RHGI, 1997.

2. Agai Sejed Modzhtaba. Obzor ponjatija «spasitel'» v zoroastrizme // Sem' nebes: ezhegodnik. 2000. № 7. S. 111–128.

3. Akrami Gulamreza. Jenciklopedija religii // Sem' nebes. 2005. № 27. S. 207–221.

4. Isaeva L.H. «Tak govorit prorok!»: hudozhestvennaja kartina mira v cikle stihov V. Hlebnikova ob Irane // Hudozhestvennaja kartina mira v fol'klore i tvorcestve russkikh pisatelej: kol. monogr. pod red. G.G. Isaeva. Astrahan': Izd. dom «Astrahanskij universitet», 2011. S. 187–229.

5. Kadyrbaev A.Sh. Arij Zaratushra – pervyj prorok mirovyh religij // Iran-namje: nauch. vostokoved. zhurn. 2013. № 2. S. 120–125.

6. Mir Sirus. Nasim Shomal i zhenshhiny v Konstitucionnom dvizhenii // Iran-namje: ezhegodnik. 1993. № 43. S. 427–450.

7. Mifologicheskij slovar' / gl. red. E.M. Meletinskij. M.: Sov. jencikl., 1990.

8. Rak I.V. Mify drevnego i rannesrednevekovogo Irana (zoroastrizm). SPb.–M.: Zhurnal «Neva» – «Letnij Sad», 1998.

9. Slovar' Dehhoda. URL: <http://www.loghatnaameh.org/dekhodaworddetail-88527f65616a441dbf14af243d08881c-fa.html> (data obrashhenija: 12.11.2014).

10. Starkina Sofija. Velimir Hlebnikov: korol' vremeni, biografija. — SPb.: Vita Nova, 2005.

11. Stepanov N. Velimir Hlebnikov: zhizn' i tvorcestvo. M.: Sov. pisatel', 1975.

12. Tartakovskij P.I. Pojezija Hlebnikova i Vostok. 1917–1922 gody. Gl. II. Iranskij cikl. URL: http://ka2.ru/nauka/tar_1917_4.html (data obrashhenija: 12.11.2014).

13. Hinnels Dzhon R. Iranskaja mifologija / per. i sost. Badzhlan Farrohi. Tegeran: Asatir, 2004.

14. Hlebnikov Velimir. Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 2: Pojemy 1917–1922 / pod obshh. red. R.V. Duganova. M.: IMLI RAN: NASLEDIE, 2001.

15. Hlebnikov Velimir. Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 3: Pojemy 1905–1922 / pod obshh. red. R.V. Duganova. M.: IMLI RAN, 2002.

16. Hlebnikov Velimir. Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 5: Stihotvorenija v proze, rasskazy, povesti, ocherki, sverhpovesti. 1904–1922 / pod obshh. red. R.V. Duganova. M.: IMLIRAN, 2004.

17. Hlebnikov Velimir. Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 6. Kn. vtoraja. Doski Sud'by (izbrannye stranicy). Mysli i zametki, pis'ma i drugie avtobiograficheskie materialy. 1897–1922 / pod obshh. red. R.V. Duganova. M.: IMLI RAN, 2006.

18. Husejni (Asef) Sejed Hasan. Spasitel' v zoroastrizme // Sem' nebes. 1999. № 3, 4. S. 107–122.

19. Chunakova O.M. Pehlevijskij slovar' zoroastrijskikh terminov, mificheskikh personazhej i mifologicheskikh simbolov. M: Izd. firma «Vostochnaja literatura» RAN, 2004.

20. Javari Hura. Kritika i obzor knigi Farzane Milani «Hidzhab i Kalam» // Iranistika. 1994. № 1. S. 176–186.

21. Jenciklopedija Iranika. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/ardwahist-av> (data obrashhenija: 12.11.2014).

Velimir Khlebnikov as a “preacher” of the ideas of Zoroastrianism in the Russian literature of the Silver Age

The echoes of the doctrine by Zarathustra are evident in the poem “Вудуме, персы, вот я иду...” by Velimir Khlebnikov. The poet used the Avestan terms and notions with the aim to characterize the political situation in Iran in the 1900s.

Key words: Zarathustra, Avestan terms, the Saviour, fight of good and evil, revolution, Soviet Persia.

(Статья поступила в редакцию 6.04.2015)

Е.Б. БОРИСОВА
(Самара)

ПЕЙЗАЖНЫЕ ДЕТАЛИ КАК СРЕДСТВО ПСИХОЛОГИЗАЦИИ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА (на материале романа Дж. Голсуорси «Собственник»)

Показаны способы создания психологического портрета персонажей через призму образа природы. Анализ проводится с опорой на наиболее значимые художественно-композиционные и словесно-речевые средства.

Ключевые слова: Джон Голсуорси, образ природы, образ персонажа, лингвопоэтическая характеристика.

В произведении словесно-художественного творчества все образы (как персонифицированные, так и неперсонифицированные) по своей природе антропоцентричны. Образ природы, созданный тем или иным автором в виде пейзажных деталей (зарисовок), является важной составляющей не только горизонтального,